

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

Онтология языка как общественного явления. Отв. ред. Степанов Г. В., Панфилов В. З. — М.: Наука, 1983. 311 с.

В советском и мировом языкознании выходит немало книг, посвященных теории языка, связи языкознания с другими науками, в частности с философией. Это и понятно, т. к. любое лингвистическое направление, любая значительная лингвистическая концепция опирается на то или иное философское основание. В свою очередь философы и общественные деятели используют выводы языкознания, особенно в области национально-языковых отношений, системы языка и его функционирования, связи языка с общественным сознанием и культурой, языковой политики и обучения языку.

Методологической основой советского языкознания является, как известно, диалектический и исторический материализм, марксистско-ленинское учение о природе и обществе, самом мышлении и сознании. В этой связи всячески следует приветствовать различные публикации по философским проблемам языкознания, в том числе серию трудов «Проблемы марксистско-ленинского языкознания». Монография В. З. Панфилова «Гносеологические аспекты философских проблем языкознания» [1], входящая в названную серию, уже получила положительную оценку [2]. Следует также упомянуть два сборника украинских языковедов, вышедших под редакцией Ю. А. Жлуктенко [3] и А. С. Мельничука [4].

Выход коллективной монографии «Онтология языка как общественного явления» — значительное событие в марксистско-ленинском языкознании. Методологическая принципиальность, обобщение огромного фактического и исследовательского материала, объективность в оценке достижений науки о языке, роли языкознания в общественном развитии — все это поднимает теорию языка на более высокий уровень, помогает решить фундаментальные вопросы, которые являются предметом научной полемики между представителями разных направлений языкознания нашего времени.

Рецензируемая книга состоит из введения, шести глав, литературы, предметного и именного указателя. Первая глава носит название «Язык как предмет языкознания. Общественная природа языка» (с. 6—36, автор — В. З. Панфилов), вторая — «Происхождение человека и языка в процессе трудовой деятельности» (с. 37—104, автор — Б. В. Якушин), третья — «Исторические типы общности людей и языка» (с. 105—142, автор — М. И. Исаев), четвертая — «Язык и идеология в их взаимоотношениях» (с. 143—

171, автор — А. И. Домашнев), пятая — «Социальная дифференциация языка» (с. 172—207, автор — А. Д. Швейцер), шестая — «Современная научно-техническая революция и ее влияние на развитие языка» (с. 208—286, автор — Р. Г. Котов).

То или иное понимание языка как общественного явления зависит от трактовки понятия социальности человека и человеческого общества. Общественная природа языка состоит не только в том, что он как важнейшее средство человеческого общения является достоянием всех говорящих на данном языке, но также и в том, что он — условие и составная часть общественного развития человека. Язык и общество в своем развитии едины. Критикуя понимание языка как некоего автономного, имманентного явления, которое якобы должно рассматриваться только в себе и для себя, как лингвистическая компетенция — врожденная универсальная грамматика, В. З. Панфилов подчеркивает, что язык «является наряду с материальной и духовной культурой, общественным производством и совокупностью общественных отношений одним из важнейших носителей социального наследования» (с. 27).

Общественная природа языка проявляется в его основных, конституирующих функциях — коммуникативной и экспрессивной (когнитивной). Единство общения и обобщения — фундаментальное положение марксистского языкознания. Признание лишь одной из названных функций, как и выделение производных от основных функций (аккумулятивной, коннотативной, поэтической, магической, идеологической, ситуативной и т. д.), может рассматриваться только как исследовательский прием, используемый при решении частных задач.

К. Маркс и Ф. Энгельс также признают коммуникативную и экспрессивную (когнитивную) функции основными, поскольку «подобно сознанию, язык возникает лишь из потребности, из настоятельной необходимости общения с другими людьми» [5]. Эту концепцию Б. В. Якушин подкрепляет данными, которыми располагают современные палеоантропология, археология, этнография, зоопсихология, а также исследование детской речи. Автор детально говорит об образе жизни первобытного человека, его труде и мышлении.

Б. В. Якушин считает исходным для решения проблемы происхождения человека признание того факта, что первобытный человек питался в основном мя-

сом и добывал его регулярной охотой, господствовал в своей экологической нише. Первобытное сообщество состояло из 80—100 особей. Выделялись два вида деятельности: традиционное (как и у обезьян) собирание плодов, корней и трав (им преимущественно занимались женщины) и охота (ею занимались наиболее сильные мужчины, причем среди них выделялся лидер).

Изготовление орудий труда и умелое их использование являлось основой трудовой деятельности пращеловека. «Если арсенал первобытного охотника и не был достаточно богатым (дубина, каменный топор, баласы и, может быть, копье), то тем более разнообразие объектов охоты требовало множественности и гибкости форм поведения на охоте» (с. 77). И изготовление орудий труда, и применение их требовали умственных действий — запоминания опыта, его осознания, использования и умножения.

Первоначально мышление было ситуативным; оно охватывало набор жизненно значимых ситуаций; выход из своей экологической ниши расширял опыт, способствовал выработке анализа и синтеза.

Зарождение и первые этапы развития языка протекали в условиях пантомимы. Пантомиму сопровождали выкрики, они были частью синкретического знака; на втором этапе выкрики стали заменять собственно пантомимические элементы; на третьем этапе происходит смена звуков, звучания, когда образ превратился в значение слов-предложений.

Естественным продолжением главы о происхождении человека и языка является глава об исторических типах общности людей и социальных типах языка — родоплеменном диалекте, языке народности, национальном языке, языке межнационального общения. Единство племенного диалекта, являющегося одним языком для двух как минимум родовых коллективов, было залогом дальнейшего развития и возможного распада племени, а, следовательно, образования родственных диалектов. С возникновением классового общества и экономического его развития возникают народности и нации, для которых характерна не только общность языка и психического склада, проявляющегося в культуре, но и общность постоянной территории и экономической жизни. Народности возникают во все экономические формации. Языки народности бывают литературными, письменными и бесписьменными. Нация и национальный язык — качественно новое явление в истории человечества. В главе детально говорится об истории возникновения и становления национальных языков, которая всегда самобытна, о свободном развитии языков при социализме, о русском языке как общем языке межнационального общения в Советском Союзе.

Любой национальный язык возникает как форма национальной культуры. В буржуазном обществе, как известно, имеется две культуры — буржуазная и социалистическая. Поэтому в философии и языковедении неоднократно ставился

вопрос о социальной дифференциации языка, о его классовости, о связи языка с идеологией.

Рассматривая взаимоотношения языка и идеологии как отношения «язык — мышление — знание — идеология — действительность» с позиций философской теории отражения, А. И. Домашнев обращает внимание на то, что «необходимо иметь в виду не только классовое, идеологическое содержание определенной части лексики, например, специальных терминов, связанных с общественной надстройкой, но язык как целое, содержащее совокупность отдельных форм его существования (литературный язык, обиходно-разговорные формы языка, диалекты), а также язык в целом, не только как средство общения, но и как действительное сознание» (с. 148).

Более подробно в главе рассматриваются работы философов и лингвистов ФРГ и ГДР. В буржуазной социологии, например, в ФРГ, получила распространение «критика языка» — семантический анализ языка и употребления слов, особенно таких, как *демократия, свобода, империализм*. Философы и лингвисты ГДР, в частности, В. Шмидт, отмечают, что нет особых языковых знаков, предназначенных для выражения идеологии; есть их только особое использование, в том числе для выражения идеологического содержания. Поэтому анализ идеологического использования языка, особенно в философских и политических текстах, не может вестись без анализа идеологической, классовой позиции говорящего или пишущего.

Деление общества на классы образует первичный уровень социальной структуры общества; вторичный уровень — это различные социальные слои и группы (сословные, профессиональные, культурные и иные). «Немаловажно, — отмечает А. Д. Швейцер, — и воздействие на язык элементов социокультурных и социопсихологических структур — социальных норм, установок, стимулов, мотиваций, ориентаций и механизмов социального контроля» (с. 179). Однако взаимодозначных соответствий между социальными и языковыми структурами нет; даже одна и та же нация может обслуживаться двумя языками (например, в Канаде используются английский и французский языки) или вариантами одного и того же языка (мордовская нация пользуется двумя литературными языками — эрзя и мокша).

Показателем влияния социальной структуры общества на язык является наличие стилей языка и стилей речи (если пользоваться терминологией В. В. Виноградова). Стили языка порождаются сферами коммуникативной деятельности; выделяются такие сферы, как наука, образование, религия, делопроизводство, общественно-политическая деятельность, художественное творчество, массовая коммуникация. Однако сферы деятельности и функциональные стили не совпадают, т. е. стили выделяются по характеру коммуникации: функция общения обслуживается обиходно-бытовым стилем; функция воздействия — публи-

чистическим и художественным стилями. Правда, под влиянием сфер деятельности выделяются дополнительно подстили — научно-популярный, учебно-научный, газетный и т.п.

Стиль речи (контекстуальный стиль) отражает конкретную ситуацию общения; в этом случае важна социальная роль, которая свойственна коммуникантам, их ценностная ориентация при выборе нормы поведения. Представление социума как малой социальной группы, внутри которой межличностные связи отражают якобы все общественные отношения, противоречит марксистской теории классов, которая основное деление выводит из производственных отношений, хотя и признает дальнейшее членение, роль социально-психологического фактора, естественную дифференциацию общества по возрасту, полу, расовому признаку.

Влияние общества на язык наглядно проявляется при возникновении электронно-вычислительной техники и ее широким использованием для переработки информации. Информационный аспект научно-технической революции, его влияние на развитие языка и лингвистической теории анализируются в последней главе; рассматривается в ней также проблема создания новых языковых средств для обслуживания технологической сферы.

В век НТР язык не только обслуживает духовную культуру, он непосредственно связан с производством. Развитие средств массовой информации (печать, радио, телевидение) повышает роль языка как средства воздействия и средства хранения знаний. «Сама научно-техническая революция, наступившая в результате реализации достижений науки и техники, — пишет Р. Г. Котов, — является свидетельством развития функций языка как орудия мышления и познания и доказательством того, что язык активно влияет на все сферы духовной и производственной деятельности общества» (с. 227—228).

Возникновение узкоспециальных языков (подязыков) «науки и техники» вызвало необходимость регламентации терминотворчества, нормализации, унификации и стандартизации терминологии и формализации деловых документов в области технико-экономической информации, особенно в сфере управления. Создаются информационные центры с автоматизированными банками данных по отдельным узким направлениям науки (например, в области ядерной физики), разрабатываются искусственные языки массового пользования — языки программирования и информационные языки. О них подробно говорится в главе. Выделяются три типа информационных языков — синтетические (семантические), дескрипторные и классификационные. Естественно-искусственное двуязычие, представляющее собой характерную черту современной НТР, охватывает значительную часть общества.

Языковая ситуация современного человечества очень сложна; она охватывает разные социальные и национальные сферы,

сферы искусственных языков, а также взаимоотношение естественных и искусственных языков. Проблема единого языка человечества предстает перед нами все более явственной и в то же время более сложной. Возлагаются надежды на машинный перевод, языковые проблемы которого, однако, оказываются намного сложнее, чем они сначала представлялись и требуют дальнейшего исследования в разных направлениях (перевод полных текстов научно-технических документов с частичными пред- и постредактированием, создание систем перевода с помощью машин, частичный перевод документов — заголовков, аннотаций и рефератов). «Языкознание может играть основную роль в комплексном изучении (совместно с другими дисциплинами) всех языковых средств современного общества, сохраняя при этом в центре своего внимания проблематику естественных языков. Такое комплексное исследование языковых средств важно не только для теории и практики лингвистики, но и для дисциплин, занимающихся проблемами автоматизации информационных процессов» (с. 284).

Даже краткое изложение основного содержания рецензируемого теоретического сборника показывает, какое разнообразие проблем решается современным языкознанием, насколько они сложны и необходимы для современного общества. Несмотря на то, что книга написана разными авторами, привносящими свой фактический материал и манеру научного изложения и доказательства, перед нами встает целостная концепция общественной природы языка, взаимодействия языка и общества, его экономической, социальной и духовной культуры. Авторы убедительно показывают, что языкознание не может быть «чистой» наукой: оно так же партийно, как и другие науки, особенно социальные.

Конечно, у рецензента не может не быть критических замечаний и пожеланий улучшить и содержание книги, и его изложение. В книге теоретические проблемы рассматриваются в основном на материале развития языков в нашей стране, на материале языкового строительства в СССР. Между тем основные принципы, идеи и методы марксистско-ленинского языкознания находят признание и творческое развитие во всех странах мира — как в теоретической, так и практической деятельности ученых и общественных деятелей. Этот исторический фактор заставляет нас говорить о том, что марксистско-ленинское языкознание должно опираться на языковую практику всех регионов нашей планеты. Опыт языкового строительства у нас в стране, обобщение его и развитие лингвистической теории имеет международное значение. Его распространение предполагает изучение своеобразия языкового развития и языкового строительства в странах, различных по своему развитию и общественно-политической ориентации. Такое изучение ведется советскими учеными [6—9].

Следует обратить внимание на активную роль теории — на языковую политику как компонент национально-осво-

бодительной борьбы и совершенствования социализма, на педагогические проблемы ликвидации неграмотности, повышения культуры речи, обучения родному языку и языку межнационального и международного общения. Это тоже часть марксистско-ленинского учения о языке как общественном явлении, об управлении языковым развитием при социализме.

Рецензируемая книга вышла небольшим тиражом. Рассматривая ее как методологическое руководство для ученых и практиков, мы должны рекомендовать ее к переизданию (возможно, доработанному и дополненному).

Кодухов В. И.

ЛИТЕРАТУРА

1. Панфилов В. З. Гносеологические аспекты философских проблем языкознания. М., 1982.
2. Чесноков П. В. — ВЯ, 1984, № 3. — Рец. на кн.: Панфилов В. З. Гносеоло-

- гические аспекты философских проблем языкознания. М., 1982.
3. Язык и идеология. Критика идеалистических концепций функционирования и развития языка. Под ред. Жлуктенко Ю. А. Киев, 1981.
4. Современное зарубежное языкознание. Вопросы теории и методологии. Отв. ред. Мельничук А. С. Киев, 1983.
5. Маркс К. и Энгельс Ф. Немецкая идеология. — Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1955, т. 3, с. 29.
6. Степанов Г. В. К проблеме языкового варьирования. Испанский язык Испании и Америки. М., 1979.
7. Ключев Б. И. Национально-языковые проблемы независимой Индии. М., 1978.
8. Невсеров С. В. Общественно-языковая практика современной Японии. М., 1982.
9. Чередниченко А. И. Язык и общество в развивающихся странах Африки. Проблемы функционирования западноевропейских языков. Киев, 1983.

Борунова С. Н., Воинова В. Л., Еськова Н. А. Орфоэпический словарь русского языка. Произношение, ударение, грамматические формы. Около 635 000 слов. Под ред. [Аванесова Р. И.]. — М.: Русский язык, 1983. 704 с.

Выход в свет «Орфоэпического словаря русского языка» — значительное событие в культурной жизни нашей страны.

Советское языкознание с первых дней революции много сил отдавало строительству новой культуры. Здесь нельзя не вспомнить Д. Н. Ушакова. Свою работу по защите, пропаганде и совершенствованию русского литературного произношения он называл, в духе эпохи, по-военному: «мои походы за орфоэпию». Он мудро соединял верность всему ценному в речевой традиции с чутким вниманием к ее обновлению.

Достойным продолжателем дела Д. Н. Ушакова был его ученик Р. И. Аванесов, вдохновитель и редактор нового словаря. Словарь продолжает традиции Д. Н. Ушакова, значительно их обогащая. И это понятно: сама норма языка и отношение к ней за 50 лет изменились.

В 20-е—40-е годы главное было в том, чтобы понятие литературной нормы сделать достоянием широких масс; надо было настаивать на ее необходимости, прочности, обязательности. В этих условиях вариантность литературного произношения неизбежно оценивалась как ее недостаток; как то, что мешает воспитывать уважение к строгим требованиям литературного языка. Поэтому словари, учебники, справочники стремились уменьшить количество помет, допускающих выбор произношения.

Время идет. Сейчас все понимают, что языку нужна четкая норма. Усиленно насаждать нормативность, энергично защищать ее нет необходимости. В глазах наших современников получила особую ценность возможность выбора (в пределах нормы) — ради выразительности

речи, ради ее стилистической красочности и остроты.

С другой стороны, остается твердым убеждение, что недопустимо распатывание нормы. Как совместить эти два требования, выдвинутые речевой современностью? Словарь дает прекрасный ответ. В нем сохраняется и категоричность нормативных рекомендаций, и представлены более широко, чем в других словарях, — возможности варьирования. Составители в огромном большинстве случаев добились убедительного баланса между запретами и разрешениями. Вот, например, как выглядит статья со сложными нормами ударения: **отжѣть** — живѣу, — живѣт, *прош.* **отжил** и **отжѣл**, **отжила**, **отжило**, **отжили** и **отжѣло**, **отжили**, *прич. действ. прош.* **отжѣвший**, *прич. страд. прош.* **отжитый** и **отжѣтый**, **отжит** и **отжѣт**, **отжѣта**, **отжѣто**, **отжиты** и **отжѣто**, **отжиты**, *деепр.* **отжѣв!** *не рек.* **отжило**; *не рек.* **отжѣта**, **отжѣта**; *неправ.* **отжила**, **отжила**; *неправ.* **отжѣвший**, **отжѣв**.

Как видно, допущен большой выбор вариантов. И вместе с тем — ряд строгих запретов: устраняется то, что отвергнуто общественным вкусом, то, что противоречит законам языка.

На чем основан выбор? На внимательном наблюдении живой речи, на проницательном истолковании процессов, протекающих в современном русском языке. Если норма отстает от живой речи, возникают мучительные напряжения. Один из таких трудных участков современного языка — ударение. Вот пример: существуют пять однотипных слов — *слесарь*, *токарь*, *писарь*, *пекарь*, *лекарь*. Словари требуют, чтобы у одних непременно во множественном числе было окончание -и,